

УДК 94:276.](477) “1919”
DOI 10.15421/311807

Н. В. Венгер
Днепропетровский национальный университет
имени Олеся Гончара

«НЕЛИЧНАЯ ИСТОРИЯ»: МЕННОНИТСКАЯ ОБЩИНА АЛЕКСАНДРОВСКА В ПЕРЕЛОМНЫЙ ГОД УКРАИНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Венгер Н. В. «Неособиста історія»: менонітська община Олександрівська в переламний рік Української революції.

Використовуючи щоденник меноніта-підприємця А. Діка, авторка запропонувала реконструкцію подій, в яких опинилася німецькомовна громада м. Олександрівська Катеринославської губернії в 1919 р. Досліджено стан окремої людини та стратегію виживання етноконфесії в переламний рік Української революції. Новизна: в науковий облік введено нове джерело та надано його загальну характеристику.

Ключові слова: меноніти на Україні; нацменшини в умовах Української революції, Абрам Дік, м. Олександрівськ у 1919, ідентичність етноконфесії, міжетнічні відносини.

Венгер Н. В. «Неличная история»: меннонитская община Александровска в переломный год Украинской революции.

Используя дневник меннонита-предпринимателя А. Дика, автор предлагает реконструкцию событий, в которых оказалась немецкоязычная община г. Александровска Екатеринославской губернии в 1919 г. Исследуется состояние отдельного человека и стратегия выживания этноконфессии в переломный год Украинской революции. Новизна: в научный оборот введен новый источник и представлена его общая характеристика.

Ключевые слова: меннониты на Украине, нацменьшинства в условиях Украинской революции, Абрам Дик, г. Александровск в 1919 г., идентичность этноконфессии, межэтнические отношения.

Venger N. W. Persönliche Geschichte: die mennonitische Gemeinde der Stadt Aleksandrovsk im entscheidenden Jahr der Ukrainischen Revolution.

Anhand von Tagebüchern des mennonitischen Unternehmers A. Dyck rekonstruiert die Autorin die Lage, in der sich die deutschsprachige Gemeinde der Stadt Aleksandrovsk im Jahr 1919 befand. Die Untersuchung richtet sich sowohl auf den Zustand eines einzelnen Menschen als auch auf Überlebensstrategien einer ethnokonfessionellen Gemeinschaft in dem Schlüsseljahr der Ukrainischen Revolution.

Schlüsselwörter: Mennoniten in der Ukraine, nationale Minderheiten während der Ukrainischen Revolution, Abraham Dyck, Aleksandrovsk (Stadt), Identität, ethnokonfessionelle Gemeinschaften, zwischenethnische Beziehungen.

Venger N. V. “An impersonal story”: the Mennonite community of Alexandrovsk at the turning point year of the Ukrainian Revolution.

The purpose of the article is to reconstruct the history of Alexandrovsk city's Mennonite community in 1919, to show the conditions and ways of personal and community's strategies of survival. The diary of the Mennonite entrepreneur A. Dick was the main source for the consideration about the problem. Living in the outskirts of the Russian Empire, A. Dick and other residents of Alexandrovsk felt the revolution not as a changing of power, but rather as anarchy. 1919 was a point of no return in the history of the revolution. For the local Germans the years of Anti-German Legislation (1914–1917) were transformed into the collapse of the post-war years. The anti-German policy of the tsarist government influenced the attitude towards the communities that next governments and political forces demonstrated during the Ukrainian Revolution. The congregations had to act in given circumstances. Traditionally aggressive Mennonite ethos had to be changed according to the new survival strategies. The political culture of the communities, that had had a dialogical nature, was used to communicate with the political regimes of first half of 1919. The communities intended to interact with the Bolsheviks making illusion of congregation's loyal attitude towards their power. Since anarchist N. Machno regarded the

local Germans as a class and military enemy, the Mennonites kept tactics of self-elimination from the public sphere. The Mennonites followed the tradition of an active congregational life that was a source of emotional hypercompensation for them. Biological survival was the first priority aim. Individual emigration became a more reliable way of self-preservation than community forms of salvation that had been traditional for the Mennonite. The influence of the left radical ideology led to the breakdown of the congregation members' traditional identity. New form of sub-identity was forming. A. Dick's diary proves that during the revolutionary years the Mennonite community of Alexandrovsk passed the way from leadership to outsider position. Scholarly significance: can be used for the researches on the problems of interethnic relations in the conditions of the Ukrainian revolution, history of the Mennonite communities in Ukraine. Novelty: a new source has been introduced and its general characteristic has been presented.

Key words: the Mennonites in Ukraine, national minorities in the conditions of the Ukrainian Revolution, Abram Dick, Alexandrovsk in 1919, ethnic confession's identity, interethnic relations.

Постановка проблемы. Для историков, которые описывают прошлое человечества как последовательный и многофакторный процесс, не существует понятия «безвременья». Однако невозможно отрицать тот факт, что состояние «ощущения безвременья» свойственно субъектам истории (отдельным личностям, социальным и этническим группам, порой государствам), которым выпадает жить в эпохи, не предоставляющие им чувства целостности с переживаемым ими историческим временем, выталкивающие их на обочину истории и, следовательно, воспринимающиеся ими антагонистически, как период коллапса и апокалипсиса. Один из известных меннонитских предпринимателей Корнелиус ДеФер вспоминал: «Период войны был для нас временем относительного благополучия. Разруха пришла с большевиками» [19, с. 159]. В данном суждении очерчены лишь две даты, важные для понимания Украинской революции – конец Первой мировой войны и год установления советской власти в 1920 г. Что же происходило между двумя датами? Почему меннонит-предприниматель ничего не упоминает о сложном, переломном, событийно и эмоционально наполненном времени «in between»? Цель данного исследования состоит в том, чтобы реконструировать события, о которых умолчал ДеФер, и которые составляют содержание переломного 1919 г. применительно к истории немецкого населения украинских земель, ранее входящих в состав Российской империи. Мы также попытаемся ответить на вопрос, каковым было состояние человека, которому волей судьбы довелось быть одновременно и участником, и наблюдателем, и объектом данных событий, а также на примере жизненного опыта одного человека показать, как формировалась стратегия выживания этноконфессии в целом.

Источники и историография. За ответом на данный комплекс вопросов обратимся к современнику тех далёких событий. В качестве основного свидетельства высту-

пает дневник меннонита-предпринимателя, общественного деятеля, представителя одного из влиятельных кланов г. Александровска Абрама Дика (Abram Dick) (1867–1919). Данный источник важен, прежде всего, как свидетельство представителя обособленной этно-конфессиональной группы, которая традиционно в кризисные периоды предшествующих десятилетий развития государства периодически оказывалась в положении гонимой и преследуемой. На определённых этапах истории Российской империи «немецкий вопрос» звучал не менее выразительно, чем одиозные для данного государства польская и еврейская проблемы. Вопрос также состоит в том, до какой степени рецидивной с точки зрения развития национализма является исследуемая нами ситуация.

Документ был обнаружен в архиве Mennonite Heritage Centre (ф. 3717) (г. Виннипег, Канада) [20]. Коллекция А. Дика состоит из дневников и других материалов, которые предоставляют подробную информацию о повседневной жизни, текущих событиях и деловых отношениях актора в первой половине 1919 г. Дневник является неполным, и явно писался в сложных жизненных обстоятельствах, на отдельных листах, порой – клочках бумаги.

Близкими по характеру основного текста нашего исследования являются мемуары П. Гезе (Peter Heese) (меннонита, предпринимателя, общественного деятеля г. Екатеринослава) [22] и историка Д. Ремпеля (D. Rempel) [24]. При этом следует учитывать, что Д. Ремпель являлся профессиональным историком, и его комментарии к мемуарам, в которых он описывал события годов своей юности – начала зрелости несут на себе отпечаток его специальных знаний. Данные эго-документы составляют основной источниковый комплекс нашего исследования, презентуют «личный» материал (чувства и переживания людей, многообразие человеческих судеб, мотивацию поступков и сложную проблему выбора личности в «моменты безвременья»),

а также позволяют сформировать образ самой эпохи глазами её современников.

Также для подготовки исследования были использованы материалы фондов Государственного архива Запорожской области [8–13] и Центрального архива высших органов власти и управления (г. Киев, Украина) [18]. Архивные источники позволяют верифицировать сведения, описанные Диком, а также показать фоновые события, которые не упоминаются автором записок, но позволяют понять его эмоциональное состояние, социальное и правовое положение населения города в 1919 г. и в предшествующий период.

Поскольку в фокусе нашего небольшого исследования находится история отдельного человека («personal case»), историография (публикации А. Белаша, М. Гагена, Я. Грицака, В. Васильчука, Г. Касьянова, А. Миллера, О. Рафальского, В. Солдатенко) выполняет скорее сопроводительную функцию и позволяет автору вписать личную историю, представленную в дневниковых и мемуарных материалах, в контroversивный контекст событий Украинской революции в целом [2–3; 6–7; 14; 16–17].

Общие сведения об авторе и его окружении. А. Дик (1869–1919) являлся членом меннонитской общины г. Александровска, которая, включая население присоединённого к городу с. Шенвизе, насчитывала 1494 членов [13]. Данная урбанизированная городская конгрегация была консолидированной группой, состоящей из представителей второй волны меннонитов-предпринимателей, которые буквально «ворвались» в экономическое пространство г. Александровска с 90-х гг. XIX ст. В целом накануне Первой мировой войны в уездном городе Александровске Екатеринославской губернии насчитывалось 67 тыс. жителей, работало 47 промышленных предприятий: из них 2 железнодорожные мастерские и 15 крупных заводов, имелось 6 больниц и 19 аптечных заведений. Культурное пространство города формировало три библиотеки, театр. Здесь издавались газеты на русском и немецком языках. Александровск был одним из центров сельскохозяйственного машиностроения и торговли товарным хлебом на Юге царской России. Данный имидж он получил, в том числе, и благодаря активности представителей меннонитской общины, лидеры которой являлись узнаваемыми в городе людьми, а их деятельность (общественная, административная, производственная, филантропическая) пользовалась признанием населения Александровска.

А Дик входил в состав предпринимательского клана Нибуrow – крупнейших мукомо-

лов Юга Российской империи. В собственности торгового дома «Г.Я. Нибуrow и К^о» (основан в 1895 г.) находилось 11 мельниц (6 из них было расположено в г. Александровск) общей стоимостью 272 100 руб. [12]. Чтобы осознать степень влияния данного предприятия, следует принять во внимание тот факт, что владельцами торгового дома являлись представители двух династических групп, Нибуrow и Диков, а также женская часть наследников династии Нибуrow, породнившаяся с семьями Леппов-Вальманов и Копов – крепнейшими предпринимательскими семьями региона [11]. Со стороны Диков в состав товарищества входили: Абрам Яковлевич Дик, Екатерина Абрамовна Дик, Яков Яковлевич Дик, Екатерина Яковлевна Гюберт, Юстина Яковлевна Вибе (урождённые Дик), Мария Яковлевна Янц, Герман Яковлевич Дик, Вильгельм Яковлевич Дик [Там же]. Наследники Нибуrow и Диков передали в распоряжение торгового дома всё своё движимое и недвижимое имущество (землю, особняки, предприятия) общей стоимостью 1 845 000 руб. [Там же]. В 1907 г. стоимость имущества данного мукомольного объединения составляла 1 994 000 руб. [23]. Из дневников следует, что объектом особой заботы предпринимателя являлась мельница № 7 компании «Нибуrow и К^о».

Будучи предпринимателем, А. Дик принимал участие в работе местного самоуправления и благотворительных организаций. Общественная деятельность за пределами конгрегаций являлась одним из условий выживания клана в условиях инонационального окружения и периодических всплесков анти-немецких настроений. А. Дик входил в состав членов Александровской Городской Думы в 1907–1919 гг. [10]. До 1912 г. деятельность меннонитов-гласных не отличалась особой активностью. Как свидетельствуют протоколы заседаний, будучи весьма занятым человеком, гласный А. Дик пропускал заседания, за что неоднократно получал предупреждения. Однако в дальнейшем ситуация изменилась, и в 1912–1915 гг. меннониты-депутаты являлись наиболее инициативной частью данного органа. Он также являлся членом «Общества вспомоществования нуждающимся учащимся Александровского среднего механико-технического училища» (кузница кадров для значительной части меннонитских механических заводов) и «Общества содействия физическому воспитанию детей» [9].

Дневник А. Дика об изменении политической ситуации в начале 1919 г.

События 1917–1920 гг. на территории г. Александровска разворачивались в общем

контексте истории украинских земель бывшей Российской империи [14]. Д. С. Мережковский именовал революцию «расплавленной государственностью», подчеркивая непрочность власти в переходные исторические периоды. Для политической ситуации, в которой оказался город и регион в целом, в 1919 г. было свойственно: 1) присутствие различных по характеру политических сил (украинского национального движения, большевизма, анархизма, безыдейного бандитизма, Белого движения); 2) особой популярностью в Александровске пользовались представители партий анархистов и эсеров. В городе сложилась ситуация наложения двух властей (большевиков и анархистов); 3) в политике и обществе господствовали беззаконие, террор, насилие, доминировало право сильного. Все признаки гражданской войны были налицо. Ситуация ухудшалась с каждым годом и привела к тому, что в конце периода «все воевали против всех».

Характеризуя ситуацию в отдалённых городках Екатеринославской губернии, журналист З. Ю. Арбатов писал: «О провинции никто не заботился... Маленькие Александровски, Павлограды и Бахмуты жили своей жизнью, ...забытые центром, лишённые власти, уезды быстро катились к самой страшной анархии». И далее: «Никто ничего не понимал» [1, с. 84].

1919 г. стал переломным в ходе Украинской революции. В условиях отсутствия устойчивой государственности, обеднения населения и непрерывного вооружённого конфликта левые партии, используя популизм и социальный негативизм, приобретали всё большую популярность. В дневниках А. Дика нашёл отражение именно этот переломный для государства и населения период, когда в городе, который в начале января контролировали приверженцы С. Петлюры, произошёл переход власти в руки большевиков и их временного союзника Н. Махно. Речь шла не просто о смене власти в условиях неустойчивой «расплавленной государственности». Пожалуй, 1919 г. в целом следует рассматривать как знаковый этап Украинской революции, точку идеологического и политического невозврата, когда запас прочности общества (по всем параметрам – ресурсно-экономическим, социальным, политическим; в области общественного оптимизма) и, следовательно, его устойчивости безжалостно истреблялся, иссякал в следствие уникальной политической ситуации полиархии, выходя из которой общество сделало не самый лучший выбор. Наступала глобальная социальная ка-

тастрофа, которая категорически и надолго изменила параметры будущей государственности и социальных отношений на территории Украины и большинства других территорий бывшей империи.

Дневник А. Дика начинается описанием событий конца власти Директории в Александровске. Принимая участие в работе Городской Думы, местные немецкие общины всё ещё могли контролировать ситуацию в городе. Жизнь находилась в состоянии некоторой турбулентности, однако «сытое» лето предыдущего года и выход из войны 1918 г. вроде бы вселяли надежду на улучшение. Казалось, оно близко: спадёт градус политической борьбы, и наступит долгожданная стабильность. Местные немцы связывали свои ожидания с установлением крепкой украинской государственности, стабилизацией, которую С. Петлюра и его армия не сумели обеспечить.

Директория столкнулась с объективными трудностями в укреплении и нормализации экономической ситуации. Хотя в производственных центрах Украины разразился промышленный кризис, часть предприятий Александровска работала. Из дневников Дика следует, что в начале 1919 г. большинство меннонитов-предпринимателей всё ещё оставалось в городе, осуществляя руководство своими производствами, надеясь переждать безвременье, найти логику в событиях, пытаясь бороться с ресурсными проблемами, обеспечить баланс производственных противоречий с рабочими и наладить диалог с новыми властями. Более того, многим предприятиям города удавалось поддерживать эффективную деятельность. Например, мельницы Дика в январе 1919 г. работали в активном режиме, перерабатывая по 3000 пуд. зерна в день, как это было в довоенные годы. Как поясняет автор, крестьяне торопились переработать зерно, то ли опасаясь реквизиций, то ли для оплаты налога [20, р. 8]. В своих воспоминаниях Дик документирует свои контакты с семьями Лепшов, Приссов, Копов и других членов конгрегации: они навещают друг друга, обмениваются новостями, устраивают совместные чаепития, сопровождаемые бесконечными дискуссиями. Как известно, общение с близкими людьми и «проговаривание» ситуации (так называемое, «эмоциональное кружение») снимают стресс, отгоняют страх, обладают своего рода терапевтическим воздействием. Хотя чувство общности и сохранения общины являлись фактором психологической самозащиты для Дика и других членов конгрегации, его ресурс оказался, как показали последующие события, не безграничным.

В записи от 17 января 1919 г., накануне отступления Директории, Дик сообщает о настроениях местных жителей: «Слышен грохот канонад. Люди собираются на улицах и обсуждают, что всё это значит. Одни говорят, что идут военные учения, другие – бандиты приближаются к городу. По этому поводу звонил брат сестры с Хортицы Питер Тиссен. Я не могу предоставить ему никаких объяснений...» [Ibid, p. 2]. Однако ситуация проявилась на следующий день. Речь шла о появлении очередной банды «Зверь», которая, пользуясь бесконтрольностью над территориями, грабила соседние селения. На следующий день петлюровская армия сумела навести порядок, однако все осознавали, что в момент, когда к городу неотвратимо приближались бои, ресурс данной политической силы иссякал.

20 января 1919 г. Дик записал: «Опять неспокойно в нашем городе, и солдаты маршируют в разных направлениях... Одни говорят, что банда махновцев приближается к городу... Другие – что махновцы уже подошли и им готовится отпор. Третьи – Добровольческая армия движется вдоль Екатерининской железной дороги... Никто не знает истинных причин... Телефоны отключены...» [20, p. 4]. Пожалуй, следует согласиться с профессором Г. Игрёвым, который, находясь в Екатеринославе (городе, расположенном на 80 км от Александровска) в подобной ситуации, комментировал: «Мы жили отрезанными от всего мира, и не было возможности проверять слухи. Денег не было. Мы ждали, сами не зная чего» [15, с. 194].

Страхи множились, перерастая в невероятные слухи. Например, прохожий на улице сообщил, что вскоре немцев будут выселять из поселений. На улицах также говорили «под большим секретом», что Добровольческая армия приближается, и новое правительство будет создано [20, p. 4]. Что могли чувствовать люди, которые знали, что возле города идут бои, а в город прибывали вагоны с ранеными и беженцами? Немцы и меннониты Александровска особенно боялись прихода Н. Махно. Их многочисленные родственники, которые проживали в колониях и на хуторах Александровского уезда, приносили самые страшные известия о грабежах и убийствах [4].

Жители города осознавали, что нет силы, способной и, более того, желающей их защищать. Однако в то же время они были ограничены в возможности защитить себя собственными усилиями. За долгие годы войны и революции в городе накопилось много оружия. Для того, чтобы предотвратить его

бесконтрольное использование, а возможно, и для решения собственных проблем, гайдамаки на улице обыскивали и разоружали людей. Поскольку солдаты не предоставляли документов, «это воспринималось людьми очень плохо» [20, p. 3], как грабёж и проявление произвола. Петлюровцы также частично разоружили меннонитскую самооборону: отобрали 53 ружья, 4 револьвера, 10 гранат и каски. Они преследовали Корнелиуса Хиберта – руководителя самообороны. Узнав об этом, Дик предупредил его, и Хиберту удалось скрыться [20, p. 2]. Похоже, что предшествующие десятилетия антинемецкой пропаганды [3, с. 406–442] сыграли свою роль. Антинемецкие кампании царского правительства не закончились с распадом Российской империи. Недоверие к представителям колоний и общин нашло свое отражение как в политике большевиков и украинских националистов, так и Советского государства. Подобно евреям, немцы-инородцы, которые к тому же годом ранее поддерживали Гетманат П. Скоропадского и австро-немецкое присутствие, рассматривались петлюровцами как социально опасная группа. Петлюровцы строили украинскую государственность, четко следуя ранненационалистическому сценарию: закрывали русскоязычные и немецкоязычные газеты, лишали работы сотрудников, которые не владели украинским языком. Их политика не вязалась с многообещающими лозунгами всеобщего национального равенства, провозглашавшимися одним из идеологов УНР М. Грушевским [2, с. 79–80]. Например, в Екатеринославе с формулировкой «за сотрудничество с австро-немецкими властями» был арестован бывший депутат Государственной Думы от Екатеринославской губернии немец Герман Бергман. По иронии судьбы, он был освобождён отрядами Н. Махно, которые всего лишь на один день захватили губернский город в январе 1919 г. и успели освободить из тюрем всех заключенных, в том числе преступников и рецидивистов. Последнее, безусловно, существенно усугубило ситуацию в Екатеринославе [22, p. 23].

И все же в условиях противоборства множества политических сил С. Петлюра и его последователи определённо не являлись «наибольшим злом» для немецко-меннонитской диаспоры г. Александровска. Представитель Екатеринославской конгрегации, член Городской Думы П. Гезе с интересом наблюдал за проявлениями украинского националистического движения в губернском городе, универсалами и деятельностью УНР, С. Петлюры, культурными процессами на этапе попытки создания украинского государ-

ства [22, р. 10, 13]. Характерно, что процесс создания украинской государственности не пугал Гезе. Дик, который по своей социальной принадлежности и ментальным характеристикам должен был демонстрировать близость к П. Гезе, имел иной опыт общения с гайдамаками. В дневнике он создаёт негативный образ петлюровцев – неорганизованных и вечно пьяных солдат, демонстрировавших насилие и беззаконие [20, р. 5]. Они показаны едва ли не как бандиты, которые «пользуются моментом» и не гнушаются грабежами [Ibid, р. 2]. С досадой Дик пишет: «На петлюровцев мы возлагали наши надежды и были в них уверены. Они обещали защищать нас. Как печально и какая это защита, если они позволили сами себя разоружить руками бандитов. Половина из них добровольно присоединилась к бандитам...» [Ibid, р. 6]. В разнице оценок двух меннонитов проявилась специфика ситуации провинциального города. С приходом новой политической силы власть каждый раз устанавливалась в губернском центре. Именно там располагался штаб, командование, устанавливалось патрулирование. Каждая новая политическая сила стремилась создать видимость устойчивости, правопорядка, доказать, что её власть установлена «всерьез и надолго». В то же самое время отдалённые территории становились жертвой бесконтрольности и в самой жестокой форме испытывали на себе несовершенство кратковременных политических режимов, устанавливаемых в условиях тотальной гражданской войны и социального противоборства.

Накануне смены власти в Александровске активизировались большевистские советы. 19 января в Думе собралась на заседание «Комиссия по безопасности», которая должна была решать проблемы самообороны [20, р. 3]. 25 января, когда петлюровцы фактически сдали город, Дик писал: «Совет рабочих заседает долго..., обсуждают второстепенные вопросы вместо того, чтобы заботиться о собственности и жизнях людей» [Ibid, р. 7]. Молодые меннониты также участвовали в местной самообороне. После ограбления мельницы № 7 компании «Нибур и К°» Дик принял решение организовать рабочий отряд по защите предприятия и выплачивать охранникам по 100 руб. в день. Интересный факт: грабители, которые вскрыли кассу, не тронули конверт с деньгами, предназначенный для выплаты заработной платы рабочим [Ibid].

Необходимо было также побеспокоиться и о меннонитской «Самообороне». Дик комментировал, что для этого «необходимо со-

брать 40 000 руб... И у нас нет выбора, потому что эти деньги обеспечат нашу защиту...» [20, р. 14]. Это было особенно важно для колоний (Хортицы, Айнлаге, Бурвальде и других), откуда приходили неутешительные сведения о регулярных бандитских набегах. Туда же постоянно наведывались и маховские отряды. В с. Хортица маховцы потребовали 2 500 руб. контрибуции. Они же вскрыли волостную кассу и вынесли 40 000 руб. [Ibid, р. 12]. Жена предпринимателя Андреаса Вальмана хотела предотвратить грабёж. Она была ранена, когда пыталась отобрать нож у бандита [Ibid]. Как показали дальнейшие события, эффективность «Самообороны» носила временный характер. В районе Екатеринослав – Александровск Махно было сожжено, разорено и уничтожено 22 селения. Несколько колоний было подвергнуто полному истреблению [4]. С появлением маховской армии большинство предпринимателей вынуждено было оставить свои предприятия на попечение заводских комитетов, с которыми Махно, как правило, стремился наладить доверительные отношения.

А. Дик о стратегии выживания общины на этапе установления маховско-большевистской власти в г. Александровск (конец января – июнь 1919 г.). Исходя из собственного опыта, горожане опасались, прежде всего, бандитов. Как показали события предшествующих месяцев, регулярная организованная армия сулила меньшие беды мирному населению. По этой причине известие о приближении красных – регулярной армии, как утверждает Дик, многими «было встречено аплодисментами» [20, р. 8]. Однако, вопреки надеждам, 27 января 1919 г. в Александровск зашли маховцы. Несмотря на то, что, как было сказано выше, накануне смены войск местные советы в стремлении защитить население от «недружественных пришельцев», объявили себя единственной легитимной властью, как позднее сообщал большевик Фалькевич, совет «был разогнан повстанцами, занимавшимися грабежами и убийствами» [2, р. 124]. Существовавшая в городе самооборона из 3 000 человек оказалась беспомощной перед крестьянской армией, которая в начале января 1919 г. насчитывала свыше 28 тыс. штыков.

Маховцев привлекали дома состоятельных людей, где можно было потребовать еду и получить комфортное пристанище. Дик писал, что, опасаясь неожиданных гостей, хозяйки прятали своих дочерей и стремились покинуть дома, оставив квартирантов в одиночестве. Маховцы пытались «успокоить» жен-

щин: «Мы добры к тем, кто готовит для нас еду. Когда мы воевали с колонистами, убивали только мужчин, но никогда не трогали женщин и детей. Мы защищаем тех, кто сотрудничает с нами» [Ibid, p. 8]. Грабежи и насилие продолжались весь день и всю ночь. Махновцы разграбили дома П. Янцена, А. и Ю. Сименсов, А. Классена, Й. Классена, А. Вальмана и других [Ibid, p. 9–10]. Эпп и Каспер были арестованы. Ф. Вольмеру угрожали расстрелом [Ibid].

Дик надеялся на скорую смену власти: «Один раз в день я хожу в Управу, чтобы прояснить ситуацию» [20, p. 9]. Его ожидания основывались на том, что Гуровицкий (председатель Городской Думы) и депутат Михайловский связались со штабом Добровольческой армии и просили о помощи [Ibid].

В Александровске сложилась непростая ситуация наложения и противоборства двух властей – временных союзников: большевиков и армии Н. Махно. Несмотря на провозглашённый ими дружественный статус, данные силы имели различные политические цели, которые каждая из них стремилась реализовать по-своему, создавая свой собственный, репрессивный по характеру аппарат управления. Жители города оказались заложниками двух карательных систем. Ответственность за насилие и бесправие и большевики, и махновцы перекладывали друг на друга. Махно создал в Александровске свои органы власти – ревком, совет, исполком (состоявший из 12 отделов). Проблема большевиков состояла в том, что в г. Александровске и ранее доминировали анархисты, которые проявили энтузиазм в поддержке Махно. Пользуясь союзными отношениями с большевиками, атаман укрепил армию, намеревался стать настоящим хозяином в городе. В мае 1919 г. он объявил всеобщую мобилизацию мужского населения на захваченном им участке [2, с. 130].

Поскольку военные контингенты Махно являлись частью Заднепровской дивизии Красной армии, атаман пользовался правом союзника, и на территориях, которые курировали махновцы, распоряжения большевиков не исполнялись, и их административные органы (ЧК, ревкомы, продотряды) были лишены возможности действовать. Однако и порядка, конечно же, не было. Каждая из политических сил бесчинствовала, называя своего союзника виновником грабежей, бандитских нападений и политических репрессий. По сообщению Фалькевича, и с приходом штаба большевика Дыбенко «анархисты и левые эсеры обнаглели, а чины штаба повели себя возмутительно – занялись реквизицией помещений и вещей

без ведома жилищного отдела, часто без необходимости...» [Там же, с. 132].

В марте 1919 г. в городе были расквартированы части махновских командиров – Правды, Щербины, Чернова. О приоритетах установленного ими режима свидетельствует лозунг: «Бей жидов и комиссаров» [Там же, с. 135]. В середине апреля 1919 г. начальник большевистского Особого Отдела г. Александровска Гинтер докладывал руководству: «...Вверенный мне участок, то есть Александровский уезд пропитан анархическим и эсеровским духом. Все местные учреждения переполнены анархистами, левыми эсерами, форменными саботажниками ..., т. е. известными отрядами разных бандитов и хулиганов “Батяки Махно”... Именуют они себя то анархистами, то левыми эсерами и партизанами. На месте, т. е. в г. Александровске существует фракция анархистов с активными членами 300 человек с лишним...» [2, с. 166].

В мае 1919 г. ситуация дошла до открытого противостояния большевиков и махновцев. Когда появилась информация о том, что атаман планирует начать полномасштабное наступление на город, большевики готовились к боевым действиям и взрыву мостов [Там же, с. 215]. Оказавшись в центре борьбы нескольких политических сил и армий, город был похож на военный лагерь. В страхе Дик писал: «Пусть Бог сохранит нас, если мы станем полем битвы» [20, p. 25].

Весной 1919 г. большевики комментировали ситуацию в Екатеринославской губернии следующим образом: «Общее положение Екатеринославской губернии печально. Острый продовольственный кризис. Безработица. Заводы стоят. Рабочие, ожидавшие, что Советская власть пустит заводы, сильно недовольны; антисемитская агитация» [18]. При этом предприятия, которые стремились сохранить регулярный режим работы, испытывали трудности. Например, взамен религиозных, большевики инициировали некоторое количество новых революционных праздников, в дни которых был установлен запрет на работу. Зрелища и шествия, которые собирали на улицах толпы людей, были чужды и непонятны Дикю. Большинство присутствующих на них не имело представлений об историческом бэкграунде событий. Как мог реагировать предприниматель, когда его мельницам запретили работать 18 марта (в День Парижской Коммуны)? При этом повозки, доставленные из близлежащих селений и наполненные зерном, стояли у самых ворот предприятия. Ни хозяин мельницы, ни сами крестьяне не были осведомлены о новых запретах властей. Наблюдая

за солдатами, которые выстроились на площади для празднования Дня Коммуны на главной улице, Дик прокомментировал: «Вообще-то их били колонисты» [20, с. 32]. Однажды, после посещения большевистского митинга, Дик записал в дневнике: «Ушёл домой с чувством отвращения» [Ibid, p. 11].

Дик также фиксирует процессы роста популярности большевиков среди местного пролетариата. Он заметил, что на страницах местных газет постоянно встречались имена Л. Троцкого и В. Ленина. Дик осознал, что большевики, которые были искусными популистами, существенно расширили социальную базу своего режима, а власть лидеров укреплялась. Несколько упрощённо, но всё же точно он записал в своём дневнике: «Ленин живёт в Кремле, и его охраняют, как ранее охраняли царя Николая» [Ibid, p. 32].

Дик был убеждён, что в Александровске «немцы страдают больше всех» от махновцев. Описывая несколько случаев грабежей и насилия по отношению к меннонитам и колонистам на территории поселений, он упомянул и о «героических» ситуациях.

Дик рассказал о немецких юношах, арестованных махновцами, которые затем сумели сами себя освободить. Автор сообщил, что подобный случай произошёл ранее и во времена петлюровского беспредела [20, p. 19].

Однако жизнь в городе постепенно нормализовалась: «Предприятия начали работать. На улицах появились люди, и они одеты лучше» [Ibid, p. 10]. Мельницы работали сутками. Крестьяне сообщали, что большевики требовали от них зерно, муку, одежду. По этой причине в один день крестьяне доставили на предприятие 760, затем – 1 600 пудов зерна [20, p. 2, 11]. Регулярные сообщения о работе мельниц сохраняются до конца марта 1919 г.

Вместе с тем рабочие мельниц требовали повышения заработной платы на 30 %, а затем – 60 % [Ibid]. На бывших предприятиях Нибура – Дика был избран совет, в состав которого вошли и меннониты П. Варкентин, Д. Нойфельд, которые разделяли политические взгляды большевиков [20, p. 25]. Их личная история является примером трансформации идентичности меннонитов [22, p. 28]. Проблема и масштаб появления новой радикально-революционной левой суб-идентичности должна стать темой отдельного исследования. Как показал наш опыт анализа отдельных биографий [8], изменение лояльности и обретение новой идентичности членов конгрегаций всегда было обусловлено долгим разрывом с общиной, духовным отдалением от неё, а также пребыванием в ситуации необходимости

нового морального выбора (например, служба в армии). В условиях сегментации общин (индивидуальной ответственности каждого за своё выживание, множественности идеологических альтернатив) новое поколение утрачивало связь с традицией и с большей лёгкостью выбирало новую модель жизни.

Хотя на мельнице Дика заработная плата для рабочих была повышена в 2,5 раза, находить взаимопонимание с работниками становилось всё сложнее. Дик сетовал: «Всё теперь решают рабочие, и мы, владельцы, ничего не можем сказать». Рабочий комитет предложил абсурдную систему оплаты. Теперь владелец получал такую же заработную плату, как и охранник (1 000 руб.), в то время как водитель – 565 руб. [20, p. 31]. Регион находился в состоянии топливного кризиса, и уже в конце марта четыре мельницы компании «Нибура и К°» простаивали. Владельцы были вынуждены начать увольнение рабочих [Ibid, p. 33].

Большевики, захватившие Александровск, заявили о своих намерениях предоставить городу защиту. Как известно, задача сохранения и удержания власти более сложна, чем её завоевание. О политическом состоянии своих войск с тревогой писали сами большевики (секретная сводка от 30 апреля 1919 г.): «6-й полк. В полку сильно развит антисемитизм. Красноармейцы настроены антикоммунистически. Развиты пьянство и картежная игра. Красноармейцы производят самочинные обыски и реквизиции. Отсутствует дисциплина. Виновником во всем этом является командный состав. Отношение командного состава к народному имуществу совершенно недопустимое: никакой описи имущества в полку нет. На полковом митинге раздавались призывы к оружию против коммунистов и евреев...» [2, с. 191].

При этом главная задача руководства большевиков состояла в финансовом обеспечении армии и новой власти. Когда Литовкин – член так называемой «Финансовой комиссии» заявил о своей цели собрать 650 000 руб. с предприятий Александровска, Дик саркастически ответил: «Петлюровцы и махновцы нас уже грабили...». В ответ Литовкин предупредил: «Если вы не хотите, чтобы вас грабили ещё, поддерживайте нашу власть!» [20, p. 10]. Большевики противопоставляли себя махновцам, позиционируя свою власть как стабильную и легитимную. Будучи одним из лидеров местного самоуправления, Дик участвовал в работе налоговой комиссии, первое заседание которой состоялось уже 1 февраля [20, p. 11]. Мельницам Нибура предстояло выплатить

500 000 руб. Это была самая высокая сумма налога. Владелец предприятия Я. Нибур к этому времени находился за пределами Александровска. Большевики были убеждены, что промышленник находился в Крыму, финансируя антибольшевистские силы. Фалькевич предупредил Дика: «Мы не имеем ничего против Вас лично, но имеем против Нибура. Это его фирма, и нам не следует забывать, что немецкие колонисты борются против Советского правительства...» [Ibid, p. 28].

Первые мероприятия большевиков, направленные против собственности – одного из центральных понятий мировоззрения меннонитов, а также их политическая пропаганда нарушали стабильность в ранее устоявшихся взаимоотношениях в обществе, способствовали появлению новых паттернов поведения, которые, в конечном счёте, негативно влияли на социальный климат в общинах и колониях. Как свидетельствовал Д. Ремпель, с приходом большевиков предпринимателям была назначена столь высокая сумма обложения, что промышленники оказались не в состоянии обеспечить выплату. Они вынуждены были занимать деньги у фермеров, обещая вернуть долг как только ситуация нормализуется. Ремпель также сообщал, что впоследствии, когда произошли изменения политической ситуации, промышленники отказались от своих обязательств. Они объясняли свой поступок тем, что занимали деньги под принуждением. Это явилось причиной неприязни между предпринимателями и представителями других социальных групп [24, p. 188].

Дик, представлявший интересы предприятия Нибура, находил в себе мужество протестовать против назначенной суммы налога. Известно, что, принимая участие в работе комиссии по обложению, куда он был включен как бывший член Городской Думы, Дик однажды демонстративно покинул зал заседания: «Мы сообщили, что считаем цифры несправедливыми и оставили помещение в знак протеста» [20, p. 12]. Постоянные переговоры велись с большевиками – членами комиссии (Белашем, Литовкиным, Бирнбаумом). Об их деловых качествах Дик отзывался коротко: «Все мало смыслят в финансах» [Ibid, p. 16]. Бирнбаум, например, был уверен, что в руках горожан не менее 25 млн. руб., которые они не желают отдавать новой власти [Ibid]. Проблему составляла сама процедура и практическая возможность выплат: банки не работали, не было единой стойкой валюты. Пошли слухи о том, что неплательщики будут отправлены работать на шахты в с. Гришино (слух, скорее всего, был сложен самими

членами конгрегации, поскольку они хорошо знали, что в данной колонии располагался рудник). Меннониты также посылали депутатов и проводили индивидуальные встречи с членами комиссии [Ibid, p. 20]. В дальнейшем Дика подозревали в попытке дать взятку члену комитета, который являлся постольцем в его доме [Ibid, p. 27].

Абрам Дик был мужественным человеком. Ему и ранее случалось попадать в переделки. Д. Ремпель вспоминал, как однажды Дик стал заложником атамана Нужного [24, p. 240]. В прошлом состоятельный крестьянин, чей бизнес окончательно расстроился во время Гражданской войны, Нужный организовал отряд, который занимался похищением состоятельных людей, требуя выкуп у родственников захваченного. За жизнь А. Дика атаман потребовал 200 000 руб. Пока близкие собирали данную сумму, заложник сам предпринимал весьма активные действия. Ведя переговоры со своими похитителями, он сумел дважды понизить ставку затребованного выкупа. Поразительно, но после выплаты Дик был сохранен жизнью, и ему позволили вернуться в г. Александровск.

Характерно, что предприниматели не отказывались платить налоги. Они привыкли покупать лояльность властей. Однако, если ранее в обмен на вложенные средства предприниматели, как правило, получали возможность свободной деятельности, то в нынешних обстоятельствах их ожидания не оправдывались. Сбывались лишь самые мрачные прогнозы. Пока шли переговоры о выплатах, Дика арестовали. После допроса его отвели в камеру, где уже содержалось 35 человек – «отказников». Об освобождении мельника хлопотали родственники и рабочие [20, p. 23]. Чудом оказавшись на свободе, он при первой же возможности бежал из Александровска. В одной из записей, сделанных в марте 1919 г., предприниматель писал: «Приехали с Хортицы братья и сестры. Привезли новости. Но нет известий о том, далеко или близко наши спасители» [Ibid, p. 30]. Описывая ситуацию в городе, он замечал: «Люди ходят с печальными лицами... Кто не платит сбор, попадает в тюрьму» [20, p. 26].

Мир рушился. Но на его руинах не возникало ничего определённого. То, что предлагали большевики взамен прошлого, казалось нерациональным, а потому кратковременным. Что могло стать основой для сохранения идентичности и силы духа верующего человека в данный момент безвременья? Эту роль, безусловно, выполняли конгрегация и религия. В дневниках Дик тщательно документи-

рует дни посещения собраний, имена проповедников (А. Классена, П. Никеля, Фаста) и темы их выступлений. В самые страшные моменты «церковь переполнена более, чем это возможно» [20, р. 1]. Люди приходили в молитвенный дом для сохранения своей духовной стойкости, а вера оставалась едва ли не единственным моральным референтом между добром и злом. Церковная традиция и благотворительность сохраняли свою роль. Например, Дик пишет о сборе денег для больницы «Бетания» [Ibid, р. 3]. **Выборы церковного пастора**, однако, были перенесены до более стабильных времён [Ibid, р. 12]. **Показательными** также являлись темы проповедей: «Мир страшен, но будь терпелив. Я сохраню мир»; «Твоё царство придёт»; «Господь! Почему мы не слышим тебя?». Проповедник Фаст в своём выступлении перед общиной вспоминал о прошлых временах. Он убеждал, что годы благополучия были не так уж хороши, и Господь испытывает веру, посылая общинам социальные испытания. Известно также о том, что автор дневника посещал служения в лютеранской церкви [20, р. 27].

Несмотря на ограниченный доступ к информации, Дик намеревался быть в курсе политических событий, происходящих в мире. 8 января 1919 г. Дик пишет: «Прибыли газеты из Харькова, Москвы и Екатеринослава. В странах Европы все нормально. Через короткое время будет возможность уехать через порты Чёрного моря...» [Ibid, р. 16]. В данных строках прозвучали первые мысли об эмиграции, которая всегда была для меннонитов одной из возможных стратегий выживания общин. Вместе с тем в начале января данные рассуждения всё ещё не были столь определёнными, поскольку настоящий трагический перелом наступил позднее – весной 1919 г. Как говорилось ранее, меннонитская община была культурно, духовно и экономически консолидированной группой. В условиях революционных событий взаимная поддержка, безусловно, сохранилась, однако чем более глубоким становился кризис, тем сильнее он воздействовал на идентичность, свойственную ей систему лояльностей, а также этос членов конгрегации. В условиях революции каждый из меннонитов оказался ответственным, прежде всего, за жизнь своих близких и вынужден был решать проблему выживания самостоятельно. Эти вопросы приобрели первоочередную важность в середине 1919 г. Тогда же индивидуально-эмиграционные настроения, ранее несвойственные для меннонитов, возобладали.

Дальнейшая судьба Дика оказалась трагической. Ему удалось вывезти семью из Алек-

сандровска. По дороге в Бердянск автор дневника заболел сыпным тифом и умер летом 1919 г. Его вторая жена (Екатерина) и дочери сумели эмигрировать в Канаду лишь спустя семь лет, в 1926 г. [21].

Выводы. Проживая на периферии Российской империи, А. Дик и другие жители Александровска ощутили перемены в государстве не как смену власти, а как анархию. Украина постепенно попадала в лоно левых настроений, и 1919 г. оказался для меннонитского населения точкой «политического невозврата». Каждая из сил, господствовавших в регионе, устанавливала кратковременный, а потому несовершенный режим власти. Население города (включая представителей меннонитских конгрегаций) в полной мере ощутило на себе все проявления этого «несовершенства»: поборы, запугивания, репрессии, насильственную ломку идеологии и мировоззрения. Усталость от войны и предшествующих лет антинемецкого законодательства трансформировалась для немцев Александровска в хаос, страх и коллапс послевоенных лет. Антинемецкая политика царского правительства оказала влияние на отношение к немецкоязычным общинам со стороны новых властей – от Директории до большевиков. Отвечая на вызовы времени, конгрегации искали способы сохранения жизни и идентичности.

Как показывают материалы А. Дика, немецкие общины утратили право инициативы, вынуждены были действовать в предзаданных внешними силами обстоятельствах переплетения социальных и национальных антагонизмов. Они ощущали себя не столько субъектами, сколько объектами происходивших перемен. В связи с этим традиционный этос конгрегаций утратил свою активность, формируя новую стратегию выживания. Последняя требовала решительных, желательных скоординированных антикризисных действий, носила защитный характер. Её главной целью являлась минимизация рисков и стремление достичь стабилизации положения, что в условиях многочисленных смен власти оказалось фактически невыполнимым.

Традиционно политическая культура меннонитов имела «диалогический» характер. Дик свидетельствует, что такая стратегия поведения использовалась общинами и в условиях политического режима первой половины 1919 г. Перспективы диалога с политическими силами автор дневника оценивал с позиции их отношения к частной собственности и возможности сохранения религиозной идентичности. На начальном этапе это была попытка взаимодействия, участия в административной

деятельности. Данная тактика позволяла создать видимость лояльности отношения местных немцев к новой власти, а также уменьшить градус враждебности к ним со стороны большевиков.

Поскольку Махно рассматривал местное немецкоязычное население и как классового, и как военного противника, меннониты, которые не могли соперничать с его армией, использовали тактику исчезновения, полного самоустранения из общественной сферы. В политическом выборе меннонитской общины, как свидетельствовал Дик, большевики и махновцы являлись полными и абсолютными антиподами их собственного мировоззрения и моральных ценностей.

Осознавая невозможность изменения внешних обстоятельств, члены конгрегации стремились достичь внутренней стабильности на уровне отдельной личности. Для них было важно сохранение конгрегационной жизни даже в условиях атеистической власти. Дик документирует, что конгрегации пользовались отсутствием последовательной антирелигиозной политики и конфессиональных преследований. Церковь сохраняла свою активность, и проповеди религиозных старшин предлагали общинникам эмоциональную гиперкомпенсацию – возможность снять психологическое напряжение, достичь смирения и примирения с реальностью, осознать Божественный промысел, сохранить силу духа и, наконец, обрести надежду.

Хотя фактор религиозной общины и групповой идентичности сохранял свою значимость, социальная ситуация постоянно менялась к худшему. В обстоятельствах 1919 г. на

первое место выходила стратегия биологического выживания личности, индивидуальной ответственности за сохранение жизни человека и его близких. Сила воли и сила характера приобрели инструментальную функцию, обеспечивающую выживание. Как демонстрирует личная история Дика, благодаря данным качествам, ему удавалось и вести небезопасный диалог с большевиками, и освободиться из бандитского плена, и обеспечить выживание своей семьи. Община сегментировалась на самоответственные субъекты, и в условиях классовых и национальных преследований индивидуальная эмиграция становится более возможной, чем традиционные для меннонитов коллективные формы спасения.

Влияние леворадикальной идеологии привело к надлому традиционной идентичности. Дик упоминает о процессах появления новой суб-идентичности, представители которой с большей лёгкостью выбирают левые социалистические взгляды, большевизм и атеизм. Решение об отказе от непротivления как базовой меннонитской ценности было принято в условиях военного конфликта на общеконгрегационном уровне. В целом, как свидетельствует «неличная история» А. Дика, поведанная им на страницах его дневника, позиция меннонитской общины г. Александровска в условиях Украинской революции прошла путь от лидерства к аутсайдству. Для меннонитов наступил «период безвременья» (по этой причине ДеФер опустил его описание в своих дневниках), который продлился для тех, кто не сумел объективно оценить ситуацию и не осмелился покинуть пределы Украины, на долгие десятилетия.

Библіографічні посилання

1. Арбатов З. Ю. Екатеринослав в 1917–1922 гг. // Архив русской революции. Берлин: Слово, 1923. № 12. С. 83–148.
2. Белаш А. В. Дороги Нестора Махно. Киев: Про-за, 1993. 593 с.
3. Васильчук В. М. Трансформація станови-ща німецького населення України в 1917–1919 рр. // Вопросы германской истории. Днепр, 1992. С. 79–82.
4. Венгер Н. В. Нестор Махно та «німецьке питання» на українських землях. В: Перша світова війна і революції: вектори соціально-культурної трансформації: колективна монографія. Київ: Кондор, 2018. С. 240–255.
5. Венгер Н. В. Меннонитское предпринимательство в условиях модернизации Юга России: между конгрегацией, кланом и российским обществом (1789–2009): Монография. Днепропетровск: Днепропетр.нац. ун-т, 2009. С. 406–442.
6. Гаген Марк фон. У війнах творяться нації: націотворення в Україні під час Першої світової війни // Україна – процеси націотворення. Київ: К.І.С., 2011. С. 271–285.
7. Грицак Я. Нарис історії України: формування модерної української нації XIX – XX ст. Київ: Генеза, 1996. 360 с.
8. Державний архів Запорізької області (далі – ДАЗО). Ф. 7, Оп.1, Спр. 118, арк. 1–4.
9. ДАЗО. Ф. 24, Оп.1, Спр.190.
10. ДАЗО. Ф. 24, Оп.1, Спр. 293, арк. 240.
11. ДАЗО. Ф. 24, Оп.1, Спр. 405, арк. 1–3.
12. ДАЗО. Ф. 24, Оп.1, Спр. 467, арк. 179, 198.
13. ДАЗО. Ф. Р-2030, Оп. 2, Спр. 587, арк. 28
14. Дорнік В., Міллер О., Кас'янов Г. Та інші. Україна між самовизначенням та окупацією: 1917–1922 рр. Київ: Ніка-Центр, 2017. 512 с.
15. Игреньев Г. Екатеринославские воспоминания. В: Революция на Украине. Москва–Ленинград: Государственное издательство, 1930. С. 186–195.
16. Рафальський О. О. Національні меншини України у XX столітті: Історіографічний нарис. Київ: Полнос, 2002. 447 с.

17. Солдатенко В. Ф. **Революційні альтернативи 1917 року в Україні**. Київ: Наукова думка, 2010. 320 с.
 18. Центральний державний архів вищих органів влади та управління (Київ, Україна) (ЦДАВОУ). Ф. 5, Оп. 1, Спр. 266, арк. 115–116.
 19. DeFehr C. A. *Memoirs of my life*. Altona: D.W. Friesen and sons LTD, 1967. 231 p.
 20. Dyck A. *Diary (1919)* // Mennonite Heritage Center Archive. Vol. 5014: 6.

21. Dyck A. *Diary (1919): Description*. // Mennonite Heritage Center Archive. Vol. 5014.
 22. Heese P. *Ekaterinoslav* // Mennonite Heritage Centre Archives. Vol. 5015, item 15.
 23. Ostasheva-Venger N. V. **The Mennonite industrial dynasties in Alexandrovsk** // Journal Mennonite Studies, Vol. 21, pp. 89–111.
 24. Rempel D. G. **Mennonite family in the Tsarist Russia and the Soviet Union**. – Toronto: University of Toronto press, 2002. 356 p.

References

1. Arbatov Z. Yu. (1923) *Ekaterinoslav v 1917–1922* [Katerinoslav in 1917–1922]. *Arkhiv russkoy revolyutsii*, № 12, pp. 83–148.
 2. Belash A. V. (1993) *Dorogi Nestora Makhno* [Nestor Makhno's roads]. Kiev, (in Russian).
 3. Vasylichuk V. M. (2002) *Transformatsiia stanovyscha nimetskoho naseleennia Ukrainy v 1917–1919 rr.* [The transformation of German population in Ukraine: 1917–1919]. *Voprosy hermanskoï ystoryi*, pp. 79–82.
 4. Venger N. V. (2016) *Nestor Makhno ta «nimetske pytannia» na ukrainskykh zemliakh* [Nestor Makhno and “German question” on the Ukrainian lands]. *Persha svitova viina i revoliutsii: vektory sotsialno-kulturnoi transformatsii: kolektyvna monohrafiia*. Kyiv, pp. 240–255.
 5. Venger N. V. (2008) *Mennonitskoe predprinimatel'stvo v usloviyakh modernizatsii Yuga Rossii: mezhdugregatsiye, klanom i rossiyskim obshchestvom (1789–2009): Monografiya* [The Mennonite entrepreneurship in the conditions of modernization on the South of Russia: between congregation, clan and Russian society (1789–2009): Monograph]. Dnepropetrovsk, pp. 406–442.
 6. Hagen Mark fon. (2011) *Uviinakh tvoriatsia natsii: natsiotvorennia v Ukraini pid chas Pershoi svitovoi viiny* [The nations are usually made in the wars: nation making in Ukraine during WWI]. *Ukraina – protsesy natsiotvorennia*, Kyiv, pp. 271–285.
 7. Hrytsak Ya. (1996) *Narys istorii Ukrainy: formuvannia modernoi ukrainskoï natsii* [Brief history of Ukraine: modern Ukrainian nation making]. Kyiv, (in Russian).
 8. State archive of Zaporizhia oblast (DAZO). F. 7, inventory 1, file 118, s. 1–4.
 9. DAZO. F. 24, inventory 1, file 190.
 10. DAZO. F. 24, inventory 1, file 293, s. 240.
 11. DAZO. F. 24, inventory 1, file 405, s. 1–3.

12. DAZO. F. 24 inventory 1, file 467, s. 179, 198.
 13. DAZO. F. R–2030, inventory 1, file 587, s. 28.
 14. Dornik V., Miller O., Kasianov G. and others. (2015) *Ukraina mizh samovyznachenniam ta okupatsiieiu: 1917–1922* [Ukraine between selfdetermination and occupation. 1917–1922]. Kyiv, (in Ukrainian).
 15. Igreniev G. (1930) *Ekaterinoslavskie vospominaniya* [Reminiscences about Katerinoslav]. *Revolutsiia na Ukraini*, pp. 186–195.
 16. Rafalskyi O. O. (2000) *Natsionalni menshyny Ukrainy u XX stolitti: Istoriografichniy narys* [National minorities of Ukraine in XX century: brief history]. Kyiv, (in Ukrainian).
 17. Soldatenko V. F. ta inshi. (2010) *Revoliutsiini alternatyvy 1917 roku v Ukraina* [Revolutionary alternatives in Ukraine. 1917]. Kyiv, (in Ukrainian).
 18. Tsentralnyi derzhavnyi arkhiv vyshchykh orhaniv vlady ta upravlinnia (Kyiv, Ukraina) (TsDAVOU) [Central State Archive of the Supreme Bodies of Power and Administration of Ukraine]. F. 5, inventory 1, file 266, s. 115–116.
 19. DeFehr C. A. (1967) *Memoirs of my life*. Altona: D.W. Friesen and sons LTD, (in English).
 20. Dyck A. *Diary (1919)*. Mennonite Heritage Center Archive. Vol. 5014: 6.
 21. Dyck A. *Diary (1919): Description*. Mennonite Heritage Center Archive. Vol. 5014.
 22. Heese P. *Ekaterinoslav*. Mennonite Heritage Centre Archives. Vol. 5015, item 15.
 23. Ostasheva-Venger N. V. *The Mennonite industrial dynasties in Alexandrovsk*. Journal Mennonite Studies, Vol. 21, pp. 89–111.
 24. Rempel D. G. *Mennonite family in the Tsarist Russia and the Soviet Union*. Toronto: University of Toronto press, 2002. 356 p.

Надійшла до редколегії 23.05.2019